

Балабайкина Татьяна Александровна

преподаватель

Филиал ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»

г. Усть-Илимск, Иркутская область

DOI 10.31483/r-97452

АНТИЧНЫЙ ПИР КАК ЗНАКОВО-СИМВОЛИЧНЫЙ КОМПЛЕКС

***Аннотация:** интерес к античной культуре, литературе остается неизменным на протяжении долгого времени. Это, прежде всего, связано с тем, что она стала основой, фундаментом для культуры европейской. В данной статье рассматривается знаковость, символичность пира в античной литературе. Пир – событие строго упорядоченное, содержащее неизменную последовательность действий на всем его протяжении. В статье предпринимается попытка проследить истоки, смысл, изменимость пира. Выделяются и описываются основные составляющие античного пира как ритуала.*

***Ключевые слова:** пир, ритуал, симпосион, вино, Дионис.*

Тема пира является одной из наиболее универсальных в культуре. Пир – ритуал, который изначально подтверждал незыблемость мира и был направлен на то, чтобы установить всеобщую гармонию.

Сцены пира в литературе чаще всего связаны с кульминацией сюжета, либо они открывают эпическое произведение, занимая значимое место в композиции. Можно найти достаточное количество памятников античной литературы, которые содержат развернутые сцены пира. Во всех этих эпизодах обнаруживается целый ряд общих элементов, что позволяет говорить о некой общей модели пира, имеющей глубокие корни в исторической реальности.

Пир – событие, которое должно быть тщательно продуманно и подготовлено, согласно определенным правилам. До пира должен произойти «акт очищения» как внутреннего, так и внешнего. Пир должен происходить в определенном месте, как правило, это пиршественные палаты, покой. Это необходимо для того, чтобы отгородиться от обыденности, которая мешает встретиться с

истинной реальностью, этим дополнительно подчеркивается избранность людей, участвующих в этом ритуале.

Важное место в организации пира занимала рассадка гостей. Пир в античности, как явление социальное, не устранил общественной иерархии. В отличие от празднеств в честь Диониса, здесь начинают действовать социальные различия, так как рассаживаются на пиру соответственно социальному положению. В конечном итоге пир лишь закрепляет социальное положение участников.

По Плутарху, до начала торжественной трапезы, слуги омывали и умащивали благовонными маслами приглашенных гостей, вводили их в мужскую половину дома через портик. Во время первой части пира (дейпнона), по крайней мере, до I в. до н.э. греки не подавали холодные закуски со сладкими винами, как это делали римляне, а только блюда, возбуждающие аппетит: мясо, рыбу, соусы. Затем слуги или рабы приносили воду и полотенца, пирующие надевали на голову или шею венки из карликовой пихты, цветов плюща. Именно этим растениям приписывали отрезвляющие и обещающие покровительство богов свойства. Пирующие душились, совершали возлияние, выпивая при этом глоток чистого вина. После этого столы менялись, вносился десерт, пирующие приступали ко второй части пира – симпосинону. Только с этого момента начинали пить, ведя беседы на различные темы, но помимо этого сами беседы носили характер состязания.

Агонистика – основная черта всей греческой культуры. Агон регламентирует жизнь человека, преобразуется в традицию. В сфере быта агон проявлялся в виде коллективных развлечений, большой популярностью на пирах пользовались состязания в остроумии, шарады, загадки. Агон тесно связан с феноменом досуга. Досуг в восприятии греков – возвышенная сфера жизнедеятельности, он не воспринимался как физический отдых. Это конечная цель существования благородных греков. Аристотель писал, что досуг включает в самом себе и наслаждение, и блаженство, и счастливую жизнь, и предназначение незанятым людям, тем, кто может им пользоваться [3]. В досуге проявляет себя человек, который свободен ОТ и свободен ДЛЯ. От необходимости в данный момент во-

евать, совершать и так далее. А вот с вопросом, для чего человек свободен в досуге, сложнее. Положительная, содержательная наполненность досуга обязательна. «Но я знаю: Дионис – во всем великий бог, и недаром он за мудрость зовется Разрешителем; потому мне и не страшно, что исполняясь им, я оробею в состязании!» [4; с. 366].

Принцип единения участников пира сохраняется: «Я полагаю, Перикандр... что речь на пиру, как вино, должна распределяться не по богатству или знатности, а поровну между всеми и быть общей, как при народовластию» [4, с. 373].

В «Пире семи мудрецов» Плутарха, можно найти следующие размышления о пире: «...не только хозяин должен к пиру приготовиться, но и гости... Человек достойный идет на пир не с тем, чтобы до краев наполнить себя, как пустой сосуд, а с тем, чтобы и пошутить, и всерьез поговорить, и послушать, и сказать, что подобает случаю, лишь бы это было и другим приятно...» [1, с. 148].

Человек, чтобы быть допущенным к ритуалу, должен пройти обряд инициации, обязательно находиться в особом состоянии душевном и физическом, внешняя и внутренняя его оболочка должны быть готовы. Конечная цель греков, выпивая, – дать свободу мысли.

Люди, объединенные пиром, не случайны, а избранны: «С кем приходится плыть на корабле или служить на войне, – сказал он, – тех мы поневоле терпим и на борту и в шатре; но в застолье сходиться с кем попало не позволит себе никакой разумный человек» [4, с. 363].

По Плутарху, у греков во время пира полагалось совершить три возлияния в честь богов. Эти возлияния состояли в том, что несколько капель вина, уже приготовленного для питья, проливались на землю. Судя по некоторым данным, первое возлияние совершалось в честь Олимпийских богов, второе – в честь героев, третье – в честь Зевса Спасителя. Для этой цели еще во времена Гомера использовались кубки, из которых пили. После третьего возлияния отправлялись на отдых.

Поглощение пищи на пиру, совместное вкушение вина и хлеба – ритуальное действие, древнейший символ нерушимости связей, олицетворяющий гармоничный, устойчивый миропорядок. «Ведь кто недоволен местом своим за столом, тот обижает не столько хозяина, сколько соседа, и врагами ему делаются оба» [4, с. 364].

Пить неразбавленное вино было признаком неумеренности. По мнению скифского мудреца Анахарсиса, неразбавленное вино употребляли чтобы напиться. Греки, как правило, этой цели не преследовали: «...человек достойный идет на пир не с тем, чтобы до краев наполнить себя, как пустой сосуд, а с тем, чтобы и пошутить, и посерьезничать, и поговорить, и послушать, что у кого, кстати, придет на язык, лишь бы это было и другим приятно» [4, с. 363]. Опыанеть – это не цель, именно поэтому греки вино разбавляли.

До сих пор исследователи спорят, почему греки разбавляли вина. Одни считают, что обычай смешивать вино с водой появился в античном обществе, чтобы «обезвредить» социально опасный напиток. Вторые утверждают, что определенную роль играла высокая стоимость вина и стремление обеззаразить воду. Третья точка зрения – данный обычай возник из-за желания уменьшить опьяняющие свойства данного напитка, потому что приготовленные по греческому образцу вина пить неразбавленными трудно – они весьма крепкие, сладкие, ароматизированные и густые.

Вино традиционно принято связывать с понятием сакрального. В период античности вино использовали для самопознания личности, под воздействием божественного напитка обнажались скрытые возможности человека. Вино – постоянный атрибут праздничного, ритуального застолья. Для античности вино – катализатор душевных и творческих сил, оно способно приобщить человека к чистой радости существования. Вино не опьяняет, оно, наоборот, помогает человеку приобрести трезвый взгляд на жизнь, трезвость ума. В данное время важное место занимал сам процесс потребления вина.

По свидетельству Ксенофонта, виночерпии играли важную роль при дворе. Они были мастерами своего дела: умело, не проливая ни капли, разливали вина,

держа фиалу тремя пальцами, и подавали её самым изящным образом пирующим. Они должны были отвечать за безопасность напитка.

Правила, установленные распорядителем, назывались «законом». Распорядитель указывал число кубков, которые следовало выпить тому или иному участнику. Часто произносились тосты за здоровье кого-либо из присутствующих, причем нередко выпивалось столько кубков, сколько букв в его имени. Традиция заздравных слов очень древняя и существовала уже во времена Гомера. Истоки её – в сакральных обрядовых поминальных трапезах.

«...равным образом и Афродита печется не о плотском соитии и Дионис не о винном похмелье, но стремятся они к тому взаимовлечению, доброжелательности, обходительности и свычности, которые этим достигаются... Дионис своим огненным видом смиряя и умягчая наше сердце, полагает в нем начало приязни и сближения со многими, прежде нам не близкими и даже почти незнакомыми» [4, с. 377]. Дионис в данном случае выступает как некая сила, объединяющая людей, стирающая границы в общении, социальные различия, что, по мнению Плутарха, является более ценным, чем обычное винное похмелье.

Самым ярким произведением древнеримской литературы, по которому можно судить о пиршественной традиции, является «Сатирикон» Петрония, центральная часть романа – пир Трималхиона. Сцены пира занимают более трети произведения. Пир в «Сатириконе» имеет самостоятельную художественную и познавательную ценность, он хорошо сохранился и отличается композиционной завершенностью. Описание пира у разбогатевшего вольноотпущенника вводит нас в мир низших слоев римского общества I века.

Главная фигура на пиру – хозяин, бывший раб Трималхион. Мы видим перед собой оргию, лишь отдаленно, по некоторым чертам напоминающей нам «исходный» пир. Здесь присутствует такой атрибут, как музыка, обладающая той же семантикой, возвращавшая в исходное состояние. Традиция ведения беседы также сохраняется, ведь героев пригласили на пир «в качестве схоластов», но это не беседы, в которых проводили время древнегреческие мудрецы во время пира. Для Древнего Рима обстановка пира с физиологической и психоло-

гической точек зрения – своеобразная разрядка. Именно здесь во время пира царит атмосфера избыточности, которая лишней раз подчеркивает оторванность человека от повседневности. Диковинные блюда, подаваемые гостям, изобилие пищи, беседы с сотрапезниками, которые представляют собой анекдоты и сказки, приход в праздничных одеждах – все это свидетельствует о выпадении из обыденности. Именно в римской традиции появляется понятие «свободного пира» – обед гладиаторов перед сражением, который мог стать для них последним.

Пир помогает наладить отношения с людьми: «Таким образом раздор наш, по всеобщему желанию, прекратился, и трапеза, принесенная на самое поле сражения, при веселом настроении всех собутыльников послужила к всеобщему примирению. Весь корабль огласился пеньями...» [2, с. 112].

Совместная трапеза, пир – средство соединения людей воедино. Пир, как и сам Дионис, обладал могуществом освобождать слово из оков страха, свободную и откровенную истину можно высказать только в атмосфере пира. Ведь за чашей вина разговор носил не только развлекательный, но и высокоинтеллектуальный, философский, эстетический характер. Темы бесед со временем менялись, и это ярко можно проследить на примере «Сатирикона» Петрония. Как ритуальное действие, пир состоит из цепи последовательных, жестко закрепленных как по форме, так и в своем чередовании эпизодов, имеющих важное внутренне содержание.

В античной литературе сцена пира всегда локализована. Пиршественная палата предстает как весьма зримый образ: она наполнена различными вещами, предметами интерьера, всевозможной утварью – все это оживляет и преображает картину пира. Дворец, пиршественная палата – это не только место действия, но и важный центр мироздания.

Пир – событие строго упорядоченное, содержащее неизменную последовательность действий на всем его протяжении. Ритуальные истоки прослеживаются в расположении гостей «по чину», в словесных состязаниях героев. Герои ведут себя согласно определенному этикету: совершают строго запланирован-

ные поступки, когда настает время. Этикетность и ориентация на обычай воплощает стабильность, незыблемость мироздания. Каждому персонажу отведена определенная роль. Смена ролей не допускается, так как это означало бы нарушение традиций миропорядка и установление хаоса. Таким образом, модели пира присущ ряд обязательных элементов, наличие которых определяет её сущность.

Список литературы

1. Застольные беседы / Плутарх; изд. подгот. Я.М. Боровский [и др.]. – Л.: Наука, 1990. – 592 с.
2. Петроний Арбитр. Сатирикон; Апулей. Метаморфозы / сост. и вступ. ст. И.П. Стрельниковой. – М.: Правда, 1994. – 400 с.
3. Политика. Аристотель. Сочинения. – Т. 4. – М.: Мысль, 1984. – 832 с.
4. Сочинения: перевод с древнегреческого / Плутарх; сост. С. Аверинцева; вступ. ст. А. Лосева. – М.: Художественная литература, 1983. – 703 с.